

НИКОЛАЕВ С.С.

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА:
ВАТАНАБЭ ОН**

ISBN-13: 978-1-326-57863-3

УДК: 1751

Издано:

Независимым Издательством

Москва 2025

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ВАТАНАБЭ ОН: Тень гения в эпоху модерна

Ватанабэ Он (渡辺 温, 26 августа 1902 – 10 февраля 1930)

Ютака – таково было его настоящее имя – родился 26 августа 1902 года на острове Хоккайдо. Он был третьим сыном в семье Ватанабэ Итаро и Цунэ. Младший брат писателя Ватанабэ Кэйсукэ.

Детство Ютаки не было безоблачным. В 1905 году семья переехала в трущобы Фукагавы, что в Токио. Этот опыт, несомненно, оставил глубокий след в душе будущего писателя, позволив ему увидеть жизнь с самых неприглядных сторон, научил пониманию человеческой природы во всей ее сложности и противоречивости.

Подобно многим молодым людям той эпохи, Ютака стремился к знаниям. Он успешно окончил среднюю школу в 1920 году и поступил на подготовительные курсы литературного факультета Университета Кэйю. Однако, жажда жизни и страсть к самовыражению оказались сильнее академической рутин. В 1921 году он бросает учебу, стремясь найти свой собственный путь.

И этот путь начался в старшей школе Кэйю, куда он поступил в 1922 году. Здесь он находит единомышленников и близких по духу людей. Совместное проживание с братом Кэйсукэ и писателем Котаро Фукудой способствует его творческому росту и формированию его взглядов на литературу и искусство.

1924 год стал поворотным в судьбе молодого Ватанабэ. Его сценарий "Тень" одерживает победу в конкурсе, организованном рядом журналов. В жюри конкурса заседали мэтры японской литературы – Дзюньитиро Танидзаки и Каору Осанаи, чье признание открыло для Ватанабэ двери в мир профессиональной литературы.

В этот период в его жизни появляется роковая женщина – актриса театра Цукидзи, Митико Оикава. Между ними вспыхивает страстный роман, но, увы, недолгий. Болезнь Митико становится преградой на пути к счастью, и под давлением окружающих, Ватанабэ вынужден отказаться от брака.

После окончания старшей школы Кэйо в 1926 году, Ватанабэ получает предложение о работе в популярном журнале "Новый Юноша". Благодаря рекомендации Масаси Ёкомидзо, он становится помощником редактора в издательстве "Хакубункан". Этот период становится для него настоящей школой жизни. Он погружается в мир литературы, знакомится с новыми авторами, учится разбираться в тонкостях издательского дела.

Сохранилась забавная история о том, как Ватанабэ, в "визитке" и цилиндре, появлялся в "Хакубункане". Этот экстравагантный наряд был не просто данью моде, а выражением его приверженности духу модерна, стремлению к новому и необычному.

Однако, работа в журнале не удовлетворяла его творческие амбиции. В 1928 году он решает покинуть "Хакубункан" и посвятить себя писательской деятельности. Он жаждал творить, рассказывать свои истории, делиться своими мыслями с миром.

В 1929 году вместе с братом Кэйсукэ он публикует перевод произведений Эдгара По. Это был важный этап в его творческой биографии. Работа над переводами позволила ему глубже проникнуть в суть детективного жанра, понять его законы и приемы. Именно Он, по некоторым сведениям, посоветовал Кэйсукэ попробовать свои силы в детективной литературе, что и привело к созданию дебютного романа "Мадонна с поддельными глазами".

Но неутолимая жажда творчества и финансовые трудности заставляют его вернуться в редакцию "Нового Юноши" в ноябре 1929 года.

И вот, когда казалось, что его жизнь налаживается, что его талант начинает расцветать, судьба наносит сокрушительный удар. 9 февраля 1930 года Ватанабэ, вместе с Сигэдзи Нарахарой, отправляется к Дзюньитиро Танидзаки, жившему в Кобе, чтобы договориться о публикации его рукописи в "Новом Юноше".

В ночь на 10 февраля, около двух часов ночи, такси, в котором они ехали, на железнодорожном переезде в Сюкугаве сталкивается с товарным поездом. Ватанабэ Он получает тяжелую травму головы и умирает в больнице Нисиномии. Ему было всего 27 лет.

Дзюньитиро Танидзаки, глубоко потрясенный этой трагедией, посвятил ему некролог под названием "Весенний холод", опубликованный в "Новом Юноше".

Жизнь Ватанабэ Она - короткий, но яркий эпизод, оставивший после себя вопросы без ответов. Каким бы мог быть его вклад в литературу, если бы судьба не распорядилась иначе? Какие шедевры он мог бы создать?

Но одно можно сказать наверняка: Ватанабэ Он был талантливым писателем, смелым новатором и яркой личностью, чье имя навсегда вписано в историю японской литературы. Прикоснувшись к его творчеству, каждый может почтить память этого талантливого человека, чья жизнь, словно тень, промелькнувшая в бурном потоке эпохи модерна.

Николаев С.С.

Содержание

НОВЕЛЛЫ.....	6
«О, ты из знати», — соврал я.....	6
КРАСНЫЙ ДЫМОХОД	10
СМЕРТЬ СОЛДАТА.....	17
ЖЕНЩИНА-РОЗА	18
ИСТОРИЯ МАТЕРИ.....	20
СОЛДАТ И АКТРИССА.....	28
ИСТОРИЯ О ПОТЕРЕ ОТЦА.....	31
ПОТОМКИ АНДРОГИНОВ	34
ИВАН И БРАТ ИВАНА.....	40
ЦИЛИНДР.....	44
КРАСОТА ВОЗДУШНОГО ШАРА.....	47
ИСПРАВЛЕНИЕ НЕВЕСТЫ	54
ЛЮБОВЬ.....	64
ДЕВОЧКА.....	67
ПЛИТКА ЦВЕТА СЛОНОВОЙ КОСТИ	72
ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ.....	86
ЛОЖЬ	96
ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА	105
БЕДНАЯ СЕСТРА.....	116
ДЕНЬ СМЕХА.....	125
СЦЕНАРИИ.....	134
НОГИ – ПРИТЧА	134
ТЕНЬ. СКАЗКА.....	136
ЗАМОРОЖЕННАЯ НЕВЕСТА	143
ЭССЕ	145
ЭККУРСИЯ В КИНОТЕАТР	145
МИР КИНО ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	147
КАК РОМАНТИК-ЛЮБИТЕЛЬ	150
ПРИЛОЖЕНИЕ	155
О ПЕРЕВОДЧИКЕ	158

НОВЕЛЛЫ

«О, ты из знати», – соврал я.

Среди женщин из сэттльмента

В тот вечер я впервые выбрался в Иокогаму, в сопровождении Александра, моего соседа по комнате.

Александр разбирался в таких увеселительных местах гораздо лучше меня, японца.

По его собственным словам, Александр был бывшим танцмейстером при императорском дворе Российской империи. После революции он перебрался из Шанхая в Японию, но не смог зарабатывать на жизнь танцами. Теперь он играл на виолончели в одном из ресторанов европейской кухни за Гиндзой, то есть был кавказцем, немногим лучше уличных торговцев сукном, которых часто можно было встретить.

Тем не менее, то ли в силу своего кавказского происхождения, то ли из-за тёмных волос и глаз, и довольно привлекательной внешности, несмотря на бедность, он пользовался особой любовью у женщин из сэттльмента.

Александр говорил на ломаном японском и на таком же ломаном английском, помимо русского языка.

Мы вышли на станции Сакурагитё около девяти часов, поэтому сначала мы направились к тёмному порту, а затем в китайский квартал Ямасита-тё.

И выпили пива в знаменитом интернациональном баре. Почему-то это заведение рекламирует пиво "Эбису", но я однажды пробовал очень вкусное пилзенское пиво в баре "Гамбург", который тоже находится где-то в этом районе.

Когда я собирался в Германию, какой-то странный немец, оказавшийся в том баре, который утверждал, что является членом экипажа крейсера "Эмден", убедил меня, что первое условие для поступления в Гейдельбергский университет — умение выпить четыре дюжины пива. Поэтому я выпил две дюжины пива "Пилзнер".

"Этот "Эмден" — просто работник бара, подсадная утка, - сказал Александр, отвергая "Гамбург". - К тому же, там нет ни одной такой красавицы. Скучно".

С этими словами Александр ткнул пальцем в подбородок светловолосой девушки с узкими глазами, самой симпатичной из

четырёх-пяти девушек, собравшихся вокруг нашего столика, судя по всему, разной национальности.

"Маруша! Влюблена в японского писателя! — Маруша, скажи!"

Я уже слышал слухи об этой девушке. Она показала мне платок, который, как она сказала, получила от мистера хх.

Затем она танцевала с Александром. Пожилая супружеская пара, видимо, члены её семьи, сидевшие у печи, аккомпанировали им на скрипке и арфе. Я не мог больше пить "Эбису", поэтому подошел к барной стойке и выпил водки.

Хозяйка, которая, казалось, сохранила следы былой красоты своей молодости, наливала мне водку и болтала со мной.

"Ну и ладно, если ты умрешь, то и я умру."

Мы вышли из "Интернационаля" ровно через час, как и планировали.

На темной набережной жалко мерзли синие фонари, и свирепствовал ночной ветер, насыщенный резким запахом моря.

Мы выехали в Мотомати, заглянули в "Бунгало", где и стали ждать полуночи. Александр хотел танцевать до закрытия этого танцпола, а я, не умея танцевать, просто потягивал виски и наблюдал за оживленной сценой в зале.

Ко мне подошла сильно перепившая и очень старая танцовщица и стала просить портвейна. Я угостил ее, и вскоре она заявила, что мне жаль, что я не умею танцевать, и предложила научить, схватив меня за обе руки, чтобы поднять.

Но она тут же поскользнулась на натертом воском полу и упала. Она падала снова и снова.

В конце концов, мне пришлось уложить эту надоедливую старую танцовщицу на подушки дивана, чтобы она успокоилась.

В полночь нас выгнали из "Бунгало", и мы пешком отправились прямо в Оомарудани по улице Мотомати, где, вероятно, все уже спали.

"В Оомарудани вдвое дешевле, чем в Хомоку, но там плохо. И японцев там не любят", - сказал Александр, идя под руку со мной.

Когда мы поднимались по темной тропинке, поросшей травой, по левой стороне тянулись дома, на которых висели вывески с названиями отелей.

Среди них мы выбрали самое внушительное здание под названием "Нью Намбер Найн", но поскольку и вход, и окна были совершенно

темными, мы были вынуждены постучать в дверь отеля "Токио", расположенного позади него.

"Кто там?" - прозвучал голос, и открылось маленькое окошко.

Лицо черноволосой женщины, освещенное светом из окна, смотрело в основном не на Александра, стоявшего у самой двери, а на меня, стоявшего позади него.

"Китаец," - поспешно ответил Александр. Но "Все занято!" - и окно тут же захлопнулось.

"Тьфу!" - Александр сплюнул на мостовую.

"В "Тиволи" все спят, поедem в Хомоку."

"Хорошо!" - ответил я.

Затем мы поехали в Хомоку на такси, обсуждая, что выбрать: "Дзюнитэн" или "Коминато".

В итоге решили выбрать последнее, поскольку "Киё Хотел" - это буржуазная идеология. Машина неслась по ночной прибрежной дороге.

Свернув налево в узкий переулок и проехав мимо отеля, у которого горел фонарь с изображением сливы и соловья, Александр вскоре остановил машину. Мы вошли в отель под названием "Этуаль". В ярком зале, словно пораженном припадком, стояли в ряд около десяти великолепных женщин, словно июньские пионы.

Александр был им уже знаком, а мне было позволено выбрать любую из них, какая больше всего понравится.

Женщины обступили Александра, называя его "Саша", "Саша". Подругой Александра была молодая девушка, выглядевшая не старше семнадцати-восемнадцати лет, с короткой стрижкой, подчеркивающей ее красивые черты лица, и с хмурыми бровями.

"Саша, танго!" - и девушка тут же обвилась вокруг тела мужчины.

Мне поторопила выбрать свою девушку пожилая женщина, похожая на сводню, по имени "Сакабасан". Я указал на худенькую женщину с бледным лицом, стоявшую в самом конце ряда и смотревшую в сторону.

С самого начала она особенно привлекла мое внимание. Дело в том, что она совсем не пыталась улыбнуться мне, как другие женщины, и в ее больших печальных глазах и заостренных плечах чувствовалась хрупкость цветка и очень робкий, жалкий вид.

Однако это, казалось, было неожиданностью не только для "Сакабасан", но и для других женщин, а также для Саши. Но я посадил ее на колени и погладил ее по тусклой щеке.

Мы заплатили двадцать пять иен за двоих. После расчета мы разошлись по своим спальням. Моя девушка сложила мою одежду и убрала ее в комод с зеркалом. "Вы важный человек?" - спросила девушка, перебирая мои волосы костлявыми пальцами. Голос девушки хрипел в горле, издавая звук, похожий на долгий вздох.

"Ах, я дворянин. Но всего лишь барон," - соврал я.

"Вот как, это хорошо," - ее голос прозвучал как ветер.

"Ты больна, да? У тебя туберкулез?"

"Простите меня... Я, возможно, умру."

"Ну и ладно, ну и ладно. Если ты умрешь, то и я умру."

"Ох, какие приятные слова!" Я прижал ее маленькую головку к своей груди.

"Не надо. У меня болезнь еще хуже," - сказала она, пытаясь отстранить губы.

"Ну и ладно, ну и ладно," - и я насильно прижал ее щеки к себе. -- Та болезнь, которая в течение долгого времени связывала каждого из миллиардов мужчин и женщин во всем мире, -- иными словами, она той же природы, что и любовь между мужчиной и женщиной -- вспомнились мне слова Александра...

КРАСНЫЙ ДЫМОХОД

.....

.....

(— Мой красный дымоход... Почему он не выпускает дым? Из дымоходов папы и мамы выходит так много дыма...)

Впервые она заметила эту странность осенью, когда ей было семь лет. Она заболела ангиной, и ее положили у окна на втором этаже.

В осеннем безоблачном небе рядом стояли три дымохода на крыше соседнего особняка. Два по бокам были черными, а посередине — красным. Причем этот красный был намного меньше и по форме напоминал детскую ножку в красном чулке. Ей казалось, будто это она сама зажата между отцом и матерью. Но, как ни странно, хотя она изо дня в день смотрела почти только на эти дымоходы из своей постели, красный ни разу не выпустил дым... Она была очень впечатлительным ребенком и очень жалела этот маленький дымоход, и, в конце концов, смотрела на него со слезами на глазах.

(— Мой красный дымоход наверняка болен...) — подумала она.

Но вскоре она выздоровела, а ее красный дымоход по-прежнему не выпускал дым.

Она была слаба от рождения, поэтому и потом часто болела. И ее снова клали у окна на втором этаже. Каждый раз она обращала внимание на три соседних дымохода. Красный маленький дымоход никогда не выпускал дым.

(— Бедный мой дымоход!..)

Она, роняя слезы на подушку, украшенную белым кружевом, жалела красный дымоход и себя саму. Она уже в детстве понимала, что со своим слабым здоровьем ей никогда не вырасти такой большой, как отец и мать.

Ей исполнилось шестнадцать. Худая, с бледными щеками, на которых проступал легкий румянец, она была похожа на красивый, хрупкий цветок.

Теперь она встала с постели и прислонилась к подоконнику. Она лежала с простудой, но теперь почти выздоровела.

Приближалось лето, и небо незадолго до заката казалось окрашенным в полосы сиреневого и розово-цветочного оттенка. Вокруг соседнего особняка теснились невысокие деревья, густо покрытые молодой листвой, над которыми едва виднелась крыша с тремя дымоходами. Дымоходы сильно обветшали и покрылись копотью. Но в